

АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОПОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)
popalex79@mail.ru

ОЛЕГ ВАЛЕНТИНОВИЧ РОМАНЬКО

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)
romanko1976@mail.ru

ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПОЗДНИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: МНОГООБРАЗИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ И ПРАКТИК*

На примере городов-героев Юга России (Волгоград, Севастополь, Керчь, Новороссийск) охарактеризованы основные социальные функции мемориальных сооружений («мест памяти»), связанных с событиями Великой Отечественной войны, в позднесоветский период. На основе обращения к архивным и опубликованным источникам авторы констатируют многофункциональность военных мемориалов, которые выполняли не только коммеморативную (то есть непосредственно связанную с памятью о прошлом), но и политico-идеологическую, ритуальную, мобилизационную, информационную, воспитательную, сакральную, рекреационную, эстетическую функции. Логика использования мемориальных сооружений раскрывается через совокупность связанных с ними социальных практик. В условиях формирования в СССР с середины 1960-х годов светского культа Великой Отечественной войны многие из этих практик приобретали ритуализованный характер. Основными целями данных ритуалов, помимо поддержания социального порядка и общественного консенсуса памяти, являлись актуализация событий прошлого, а также укрепление колlettivизма и обеспечение преемственности поколений в советском обществе. Архитектурно-художественные решения, использовавшиеся при проектировании и строительстве мемориальных сооружений в поздний советский период, учитывали многообразие функциональных задач, которые они должны были выполнять.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, «место памяти», монументальная пропаганда, мемориальные практики, ритуал, город-герой, СССР

В годы Великой Отечественной войны один из самых известных советских скульпторов-монументалистов В. И. Мухина совместно с архитектором В. В. Лебедевым подготовила проект грандиозного памятника защитникам Севастополя. По творческому замыслу авторов он должен был возвышаться в море у входа в Севастопольскую бухту и представлять собой действующий 80-метровый башенный маяк, увенчанный гигантскими фигурами воинов, отражающих нападение со всех сторон. Внутри маяка планировалось сделать вместительный зал для проведения общественных мероприятий, а снаружи – кольцевой балкон-парапет, с которого можно было бы не только осматривать окрестности, но и «принимать парад флота»¹. Несмотря на то что данный проект так и остался на бумаге, сама его концепция указывает на распространенность идеи о многофункциональности мемориальных комплексов, способных выполнять не только коммеморативные (непосредственно связанные с памятью о прошлом), но и иные функции. Такой подход нашел свое отражение в других, уже реально воздвигнутых в послевоенный период

мемориалах, посвященных событиям Великой Отечественной войны.

В последние десятилетия можно наблюдать активизацию интереса исследователей к феномену «мест памяти», во многом ставшую следствием перевода на русский язык работ французского историка П. Нора. Согласно его концепции, «местами памяти» являются территориально локализованные или абстрактно-символические пространства (музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, монументы, храмы), в которых «память кристаллизуется и находит свое убежище». Тенденцию к формированию таких мест в Новое время П. Нора связывает со стремлением общества сохранить упорядоченную картину прошлого в условиях перехода от доминирования памяти отдельных социальных групп к консолидированной национальной памяти [13: 17, 26]. Среди многообразия отечественных и зарубежных работ в области memory studies определенная часть посвящена именно локализованным в пространстве «местам памяти», связанным с событиями Великой Отечественной войны (далее – памятные места,

военные мемориалы, мемориальные сооружения). Однако обычно объектом исследовательского интереса становится история создания памятного места, описание его физического пространства и символических смыслов. Гораздо менее отрефлексированным является вопрос о функциональном назначении и использовании памятных мест путем реализации с их помощью широкого круга разнообразных социальных практик. В данной статье на примере памятников и мемориальных комплексов, расположенных в городах-героях Юга России (Волгоград, Севастополь, Керчь, Новороссийск), предпринята попытка охарактеризовать совокупность функций, которые выполняли памятные места, связанные с событиями 1941–1945 годов, в послевоенном советском обществе.

Знакомство с работами предшественников дает основание утверждать, что чаще всего исследователи обращают внимание на *политико-идеологическую функцию* военных мемориалов, направленную на укрепление символической легитимности советского строя, на поддержание социального порядка и консолидацию граждан СССР. При этом указывается на середину 1960-х годов как на время резкого повышения политического интереса к событиям Великой Отечественной войны, что наблюдалось и на центральном [5], и на региональном уровнях (см., например: [2], [22]). Н. Конрадова и А. Рылева выделяют такие функции военных мемориалов, как *политические* (обозначение общественного согласия по поводу оценки исторического события или личности), *социальные* (трансляция актуальных смыслов, подтверждение исторической идентичности и коллективности переживания) и *психологические* (акцент на более доступное и суггестивное визуальное восприятие) [11: 242]. В работе М. Габовича «Советские военные памятники: биографические заметки» констатируется широкий набор их функций/задач, находившийся в диапазоне от сугубо *utilitarian* (санитарная необходимость захоронения тел погибших) до *geopolitischen* (присутствие памятников советским воинам-освободителям в социалистических странах символизировало их нахождение в сфере советского влияния), а также традиционно подчеркивается их *коммеморативная* и *легитимационная* функции [8]. Работа современной украинской исследовательницы И. Склокиной выделяется тем, что в ней основное внимание уделено *атрактивным* и *рекреационным* функциям памятников Великой Отечественной войны и прилегающих к ним общественных пространств, их использованию в советском туризме и экскурсионном деле, для семейного отдыха и проведения культурно-просветительных мероприятий [21]. Интересные социально-функциональные аспекты Пискаревского мемориального кладбища как объекта туристско-экскурсионного посещения раскрыты в недавней публикации

И. Каспэ [10: 84–88]. Что же касается исследований западных авторов, то наибольший интерес в данном контексте представляют работы американской исследовательницы Н. Тумаркин, рассматривающей память о Великой Отечественной войне в СССР как специфическую форму гражданской (светской) религии [28], а также монографии, посвященные мемориальной культуре отдельных городов-героев: Волгограда [23], [26], Новороссийска [24], Севастополя [27].

Несмотря на всю многофункциональность мемориальных сооружений, основной (базовой) для них следует признать *коммеморативную функцию*, связанную с выстраиванием определенной смысловой концепции памяти о событиях прошлого. Коммеморация структурирует разнообразные дискурсы и практики, содержит в себе социальное и культурное видение памяти об историческом событии, тем самым способствуя солидаризации социальных группы вокруг единого представления о прошлом [12: 20]. Пространственная и композиционная логика мемориальных сооружений раскрывает господствующую в данном обществе историческую оценку тех или иных событий, распределяет роли «своих»/«чужих», «друзей»/«врагов», «героев»/«предателей», «жертв»/«палачей». С помощью скульптурно-архитектурных форм изображаемые герои выстраиваются в определенный пантеон на основе представлений о степени значимости их вклада в Победу, в том числе с учетом локальных особенностей исторической памяти. Например, в городах-героях Причерноморья мемориальными средствами подчеркивался вклад в Победу моряков Черноморского флота (памятник Неизвестному матросу в Новороссийске, памятник морякам-подводникам в Севастополе и др.).

Известны случаи, когда память о фактически забытых на официальном уровне героях и жертвах войны становилась общественным достоянием благодаря инициативе отдельных советских граждан, которые считали своим моральным и гражданским долгом возвращение таких сюжетов и имен в героический пантеон. Так было с подвигом подземного гарнизона защитников Аджимушкайских каменоломен в 1942 году, судьба которых до конца 1950-х годов фактически находилась в «зоне умолчания» и только потом начала приобретать известность. Инициативная группа по созданию мемориального комплекса в память о защитниках Аджимушкайских каменоломен первоначально состояла всего из нескольких человек, в основном ветеранов войны и деятелей искусства, которые с середины 1960-х годов начали обращаться в различные государственно-партийные структуры с письмами о необходимости создания такого объекта. Один из наиболее активных участников этой инициативы, крымский поэт-фронтовик Б. Серман, так описывал свои чувства во время открытия мемориаль-

ного комплекса в Аджимушкае, состоявшегося только 15 мая 1982 года:

Дождались, – говорило мне все, что видел вокруг: изваянные фигуры, знамена, по-взрослому сосредоточенные глаза детей и торжественные лица взрослых. Я чувствовал в себе какую-то обновляющую душу силу [16: 70].

Однако в данном случае речь идет о крупном и дорогостоящем мемориальном комплексе, тогда как целый ряд более скромных по своим масштабам памятников Керчи был сооружен исключительно за счет средств производственных предприятий или даже на пожертвования учащихся школ, носящих имена погибших героев (памятники Вере Белик, Володе Дубинину, Евгении Рудневой)².

Политико-идеологическая функция военных мемориалов основывалась на утвердившейся еще в первые годы советской власти ленинской концепции «монументальной пропаганды», согласно которой мемориальные сооружения должны были «обладать большой идейной насыщенностью», способствовать активной и массовой пропаганде коммунизма [3: 8]. При этом понятие «мемориальное сооружение» трактовалось весьма широко и включало в себя произведения архитектуры и монументальной скульптуры, создаваемые в память отдельных лиц и событий: надгробия, памятники, обелиски, триумфальные колонны и арки, мавзолеи, мемориальные архитектурно-скульптурные комплексы, мемориальные музеи³.

«Монументальная пропаганда» могла способствовать прославлению не только советской власти в целом, но и конкретных государственно-политических деятелей. Общеизвестно, что именно на фоне героизации военных страниц биографии Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева был создан грандиозный комплекс из трех логически связанных между собой мемориальных сооружений в Новороссийске, открытый в несколько этапов: 1978 год – памятник-ансамбль «Линия обороны», 1979 год – памятник-мемориал «Гибель эскадры», 1982 год – памятник-ансамбль «Малая земля»⁴. Когда по ряду организационно-хозяйственных причин в 1981 году и без того затянувшееся строительство памятника-ансамбля «Малая земля» резко замедлилось, авторская группа проекта мемориала направила письмо в Совет Министров РСФСР, где отмечали его «огромное политическое значение», поскольку он напрямую связан с биографией главы государства⁵. После этого необходимые финансовые, технические и людские ресурсы для окончания строительства все же нашлись, и мемориал был торжественно открыт 16 сентября 1982 года – менее чем за 2 месяца до смерти Л. И. Брежнева. Несмотря на то что памятник персонально Брежневу появился в Новороссийске лишь в начале 2000-х годов⁶, в советский период

Леонид Ильич пользовался особым уважением среди жителей этого города и считался его покровителем [24: 98–101].

Прилегающее к наиболее значительным мемориальным сооружениям общественное пространство активно использовалось для проведения различных легитимизирующих власть мероприятий – торжественных митингов, парадов, манифестаций, церемоний открытия различных событийных мероприятий, особенно приуроченных к памятным датам и юбилейным торжествам. При этом практики коммеморации приобретали явно выраженные *ритуальные функции*. Как писал один из советских авторов:

Комсомольцы и пионеры с горящими факелами шатаются к братским могилам, обелискам и памятникам, минутой молчания чтят память героев, возлагают венки, гирлянды цветов. Возглавляют факельные шествия ветераны Великой Отечественной войны [6: 43].

Ритуализация мемориальных практик, связанных с памятью о Великой Отечественной войне, не была случайной. П. Нора отмечал, что включенность в ритуал уже сама по себе является чертой, определяющей принадлежность к «местам памяти» [13: 40]. Антрополог С. Адоньева прямо называет советские мемориалы «ритуальными площадками», отмечая их способность преобразовывать внутреннее (конгитивное, эмоциональное) пространство граждан [1: 134]. Согласно современным антропологическим концепциям, ритуальные действия отличаются перформативностью, то есть способностью побуждать к тем или иным действиям. Ритуалы оказывают интегративное воздействие на общество (производство идентичности, переработка различий) и способствуют поддержанию социального, в том числе политического, порядка [7: 26–27, 31–36].

Знакомство с записями в книгах отзывов крупных мемориальных комплексов, сделанными советскими гражданами, посещавшими их в 1960–1980-е годы, убеждает в справедливости приведенных выше теоретических конструкций:

Самый лучший венок памяти героев – это наш труд во имя светлого будущего Родины! (Мемориальный комплекс на Мамаевом кургане в Волгограде) [9: 117].

Нам, участникам Великой Отечественной войны, этот памятник особенно дорог. Хочется поблагодарить нашу Партию и Правительство за великую заботу об увековечивании этого тяжелого, но легендарного периода (Мемориальный комплекс на Сапун-горе, Севастополь) [20: 78–79].

Не видеть развалин Аджимушкайских катакомб, экспозиции этого музея, значит потерять многое. Без волнений, печали, горести нельзя пройти мимо. Но гордость за всех, кто погиб за наше счастье, окрыляет и придает силы (Музей обороны Аджимушкайских каменоломен, Керчь)⁷.

Проанализировав ритуалы и тексты известных нам записей, можно утверждать, что мемориальные комплексы способствовали укрепле-

нию в сознании советских людей таких идей, как актуальность прошлого в контексте настоящего и будущего, ценность колLECTивизма, важность преемственности поколений. По утверждению Н. Тумаркин, в брежневский период советская власть использовала память о Великой Отечественной войне как основной моральный ресурс влияния на население, особенно на молодежь [28: 132–133]. Также западные авторы прямо указывают на то, что возникшие в поздний советский период ритуалы, например возложение молодоженами цветов к военным памятникам в день свадьбы, являлись искусственным средством вытеснения религиозных традиций и замены их светской социалистической обрядностью [25: 159].

Говоря о *мобилизационной функции* памятных мест, большинство авторов имеют в виду политico-идеологическую мобилизацию, забывая о материально-технических и трудовых аспектах. Широкое распространение получила практика шефской помощи конкретных трудовых и учебных коллективов, которая осуществлялась как на стадии строительства мемориалов, так и после их открытия. Фактически имел место постоянный мониторинг состояния мемориальных сооружений, а в случае необходимости – их благоустройство и текущий ремонт силами общественности [6: 40–41], [14: 68], [18: 55]. Постоянно подчеркивалось, что

памятник, связанный с Великой Отечественной войной особенно, только в том случае окажет необходимое воздействие на сердца и души людей, когда он находится в безупречном состоянии [14: 67].

Информационно-познавательная функция мемориальных сооружений заключалась в возможности для посетителей узнать новую информацию о фактах, событиях, личностях военного времени, что было особенно актуально для представителей послевоенных советских поколений. Часто она реализовывалась самостоятельно, путем прочтения мемориальных надписей, изучения путеводителей, проспектов и буклетов с описанием памятных мест. Но нередко эта информация получалась и коммуникативным путем – через пояснения спутников, от экскурсоводов, во время уроков мужества и встреч с очевидцами событий – ветеранами войны, когда они проводились возле памятников [14: 63–64]. Как отмечал один из авторов «Литературной газеты» после посещения Мамаева кургана в Волгограде, каждая такая встреча с ветеранами непосредственно на мемориализованном месте прошедших боев отличалась особым эмоциональным состоянием всех участников:

дрожат и срываются голоса всех, кто пришел на священную землю... волнение передается нам, пронизывает нас, как током, обжигает, опаляет...⁸

Таким образом, создавались условия для реализации не только информационной, но и воспитательной функции, которая будет охарактеризована далее.

Расширение информационных функций мемориальных сооружений обусловило тенденцию к включению в их структуру музейно-выставочных залов, панорам и диорам, открытых площадок для демонстрации реликвий военного времени, в первую очередь военной техники и образцов вооружения. При этом справедливо предполагалось, что собранные и систематизированные артефакты, относящиеся к военному времени, позволят лучше понять героическое прошлое, а также привлекут дополнительный интерес посетителей [19: 23–24]. В то же время некоторые западные авторы оценивали это явление как свидетельство милитаризации советского общества [25: 161].

Пример такого комплексного по своему составу мемориального сооружения – музей-панорама «Сталинградская битва» в Волгограде, призванный «многопланово раскрыть величие и героизм советского народа». Панорама «Сталинградская битва» была открыта 8 июля 1982 года, а находящийся в этом же здании мемориальный музей – 6 мая 1985 года. За первые полгода после открытия панораму посетило около 200 тыс. человек, а интерес к ней являлся настолько высоким, что график посещения планировался на несколько месяцев вперед и предусматривал только групповые экскурсии⁹. Также для повышения степени наглядности и усиления эмоционального воздействия на посетителей в состав мемориальных комплексов могли включаться подлинные военно-инженерные сооружения: окопы, блиндажи, противотанковые рвы, землянки [14: 66].

Воспитательная функция памятных мест в первую очередь была направлена на формирование чувства патриотизма. Самое широкое распространение получила впервые реализованная в Волгограде осенью 1965 года инициатива по созданию школьного «Поста № 1» у Вечного огня на площади Павших Борцов. Для дежурства на этом посту отбирались лучшие школьники города с учетом успеваемости, поведения, общественной активности. С претендентами также проводились занятия по строевой подготовке в шефствующей воинской части Волгоградского гарнизона. По одной из сложившихся традиций удостоенные этой чести школьники затем писали сочинение на тему «Что я чувствовал, когда стоял на Посту № 1?». Один из них так описал свое эмоциональное состояние:

Прекрасные чувства торжественности и гордости за свой город не покидают нас ни на минуту. И мы уверены, что любой мальчишка или девочонка с гордостью будут нести имя часового на страже памяти погибших за наш город, за нашу любимую Родину!¹⁰

В Севастополе школьный Пост № 1 начал постоянно функционировать с 1973 года, причем находился не на Малаховом кургане или Сапун-горе, а в административном и общественном центре города – у Мемориала второй обороны Севастополя 1941–1942 годов на площади Нахимова [18: 49–50]. В Новороссийске комсомольцы и пионеры впервые заступили в почетный караул у Вечного огня на площади Героев 9 мая 1975 года.

Также военные мемориалы использовались для интернационального воспитания советских граждан. Для этого необходимо было доступными способами (например, на основе названий воинских частей или фамилий и имен погибших) показать их принадлежность к разным регионам страны и национальностям, тем самым подтвердив общий вклад всех народов СССР в Великую Победу [6: 38–39].

Рекреационная (досуговая) функция мемориальных сооружений реализовывалась за счет того, что прилегающие к ним территории часто являлись популярными местами семейного посещения в выходные и праздничные дни. Здесь также могли проводиться музыкальные концерты и театрализованные представления, этапы спортивных марафонов, «звездных эстафет», автопробегов и прочих зрелищных мероприятий, которые вызывали массовый общественный интерес. Так, самым ярким событием состоявшегося в мае 1985 года в Керчи Всекрымского областного фестиваля молодежи стало проведение концерт-реквиема у обелиска Славы на горе Митридат, в котором приняли участие лучшие творческие коллективы и исполнители области¹¹. Реализации рекреационной функции военных мемориалов способствовало создание на прилегающих к ним территориях скверов и парков, а на бывших рубежах обороны некоторых городов формировались так называемые зеленые пояса Славы, представляющие целый комплекс парковых и лесопарковых зон¹².

Политические, познавательные и рекреационные функции сочетались во время использования военных мемориалов как объектов туристско-экскурсионного посещения. Особенно наглядно это можно проследить на примере Севастополя, где к середине 1970-х годов городское туристско-экскурсионное бюро ежегодно обслуживало около 3,5 млн экскурсантов (подробнее см.: [15], [17]).

Впрочем, иногда одновременная реализация различных социальных функций мемориальных сооружений обуславливала определенные противоречия. Например, в 1985 году на страницах газеты «Слава Севастополя» развернулось обсуждение допустимых этических рамок поведения во время посещения памятных мест. В письме под заголовком «Омрачают ритуал» один из читателей отмечал, что массовое посещение Сапун-горы новобрачными в день свадьбы имеет и свои негативные стороны, поскольку

компании празднующих позволяют себе распивать спиртные напитки и курить на территории мемориала¹³. За сколько месяцев до этого редакция газеты опубликовала целую подборку читательских писем под общим заголовком «На священном месте», авторы которых единодушно высказывались за полный запрет употребления спиртных напитков и курения на Сапун-горе. Более того, один из читателей высказал мнение, что «в таких священных местах нельзя позволять себе шумных разговоров, веселого смеха, игры на музыкальных инструментах, включать транзисторные приемники»¹⁴. В связи с этим можно говорить о *сакральной функции* военных мемориалов, действительно воспринимавшихся большинством советских граждан как «священные места». Причем именно сакрализация служила своеобразной метафункцией, связывавшей общественно-политическую и лично-эмоциональную значимость таких объектов, без чего была бы невозможна эффективная реализация на их базе всех перечисленных выше функций. Именно поэтому в постсоветский период имевшие место случаи искусственного снижения уровня сакральности и масштабности коммеморативных практик, тенденции к их коммерциализации и «карнавализации» вызывали ощущение «дисфункции коммеморации» у представителей старших поколений (см., например: [12: 25–29]).

Наконец, являясь авторскими произведениями искусства, включенными в окружающий ландшафт, военные мемориалы, безусловно, выполняли и *эстетическую функцию*. При этом некоторые из них воспринимались как эстетически более привлекательные, другие могли подвергаться критике за свой внешний вид, хотя необходимо учитывать субъективность такого рода оценок. В 1959–1960 годы, после публикации в советской прессе рабочих эскизов мемориального комплекса на Мамаевом кургане, в адрес Министерства культуры РСФСР поступила серия писем от граждан, которые резко критиковали художественно-визуальную составляющую данного проекта¹⁵. Причем аргументы авторов этих писем были либо совершенно абсурдными, либо обусловлены отсутствием у них информации об окончательной версии данного проекта, созданного под руководством Е. В. Вучетича, который претерпел очень значительные метаморфозы на этапе от начала разработки до финальной реализации (подробнее см.: [26: 382–405]). Можно привести и другой характерный пример. По воспоминаниям главного архитектора Севастополя А. И. Баглея, на проходившей в 1967 году выставке проектов обелисков в честь присвоения городам Украинской ССР звания городов-героев¹⁶ севастопольский проект, очертания которого напоминали комбинацию штыка и паруса 60-метровой высоты, был в высшей степени позитивно

оценен первым секретарем ЦК КПУ П. Е. Шелестом. Во время знакомства с проектами якобы состоялся такой диалог:

— А что это за дымовые трубы?

Министр культуры отвечает:

— Петр Ефимович, это проекты обелисков в Киеве и Одессе. <...>

— А это что за проект? — спрашивает Петр Ефимович.

— Это обелиск городу-герою Севастополю.

— Вот это совсем другое дело. Так и надо строить, — сказал Шелест [4: 85–86].

В заключение следует отметить, что в последние советские десятилетия творческие коллективы, разрабатывающие проекты мемориальных сооружений, учитывали то многообразие функциональных задач, которые они должны были выполнять. Например, в начале 1980-х годов был разработан проект мемориального комплекса-панорамы обороны Новороссийска в годы Великой Отечественной войны. Предполагалось, что его введут в эксплуатацию в 1985 году на территории между проспектом Ленина и Суджукским озером. Композиционным ядром внутреннего пространства этого сооружения должна была быть торжественно-ритуальная зона для принятия воинской присяги, приема в пионеры и проч. Также здесь предполагалось разместить лекционный зал на 140 мест и панорамную смотровую площадку на

крыше здания¹⁷. Однако на фоне усиления кризисных явлений в советской экономике этот и целый ряд других масштабных проектов так и не были реализованы, особенно после принятия 12 апреля 1983 года совместного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на строительство мемориальных сооружений»¹⁸.

Ввиду многоаспектности жизни общества любая попытка классификации функций относящихся к нему объектов (в нашем случае — мемориальных сооружений) является достаточно условной, а полученный перечень едва ли может считаться исчерпывающим. Однако аналитические усилия в данном направлении все же помогают понять стабильные взаимосвязи институтов и социальных практик, схемы взаимодействия государства — общества — личности в конкретном социальном контексте. Кроме того, именно многофункциональность мемориальных сооружений во многом объясняет тот факт, что, несмотря на трансформационные процессы конца 1980-х — первой половины 1990-х годов, они продолжают оставаться в центре внимания, восприниматься как особо значимые и по-прежнему священные места¹⁹ большинством представителей современного российского общества.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00576 «Память о Великой Отечественной войне в городах-героях Юга России (Волгоград – Севастополь – Керчь – Новороссийск), 1945–1991 гг.».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив литературы и искусств. Ф. 2326. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

² Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. Р-2865. Оп. 2. Д. 247. Л. 4.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 142. Д. 222. Л. 13.

⁴ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 46. Д. 5661. Л. 1.

⁵ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 3366. Л. 41.

⁶ Памятник Л. И. Брежневу в Новороссийске был установлен в 2004 году.

⁷ ГА РК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 923. Л. 5.

⁸ Литературная газета. 1967. 18 октября.

⁹ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 6931. Л. 43–44.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-1. Оп. 34. Д. 726. Л. 40.

¹¹ Керченский рабочий. 1985. 28 мая.

¹² Наиболее известный «зеленый пояс Славы» был создан на рубежах обороны Ленинграда, но аналогичная практика имела место также в Севастополе, Одессе и других городах.

¹³ Слава Севастополя. 1985. 19 мая.

¹⁴ Слава Севастополя. 1985. 6 марта.

¹⁵ См., например: ГА РФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 2840. Л. 28.

¹⁶ Строительство таких обелисков было предусмотрено пунктом 7 утвержденного Президиумом Верховного Совета СССР 8 мая 1965 года «Положения о почетном звании “Город-Герой”».

¹⁷ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 2077. Л. 10, 16–17.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 3284. Л. 3.

¹⁹ Не случайно начиная с 1990-х годов мемориальные комплексы, посвященные событиям Великой Отечественной войны, стали дополняться культовыми сооружениями основных религиозных конфессий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А до нь е в а С. Б. Категория ненастоящего времени: антропологические очерки. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 167 с.
2. А н т о щ е н к о А. В. Изменение конфигурации пространства «мест памяти» о Великой Отечественной войне (на примере Петрозаводска) // История и культура страны-победительницы: К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: Труды междунар. науч. конф. Самара, 2010. С. 191–201.
3. А р т а м о н о в В. А. Город и монумент. М.: Стройиздат, 1974. 224 с.
4. Б а г л е й А. И. «Думи мої, думи мої, лихо мені з вами!»: воспоминания и размышления старого архитектора. [Севастополь]: [б. и.], [2008]. 584 с.

5. Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 109–128.
6. Врублевская В. Б. Совместная деятельность государственных и общественных организаций по охране и использованию памятников Великой Отечественной войны в патриотическом воспитании тружеников // Памятники Великой Отечественной войны в патриотическом воспитании тружеников: Сб. науч. трудов. М.: НМС МК СССР, 1985. С. 37–47.
7. Вульф К. Производство социального: ритуал, эмоции, воспоминания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3. С. 23–50.
8. Габович М. Советские военные памятники: биографические заметки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docplayer.ru/26525817-Sovetskie-voennye-pamyatniki-biograficheskie-zametki-mihail-gabovich-eynshteynovskiy-forum-potsdam-germaniya.html> (дата обращения 15.05.2018).
9. Голоса сердец: Сборник / Сост. В. Б. Ростовщиков, И. М. Кандауров. 2-е изд. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1985. 144 с.
10. Каспэ И. Место смерти: о значении Ленинградской блокады в позднесоветской культуре // Социологическое обозрение. 2018. № 1. С. 59–105.
11. Конрадова Н., Рылева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 241–261.
12. Макаров А. И. Феномен памятника в современной культурной ситуации: дисфункция коммеморации // Память и памятники. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2011. С. 19–29.
13. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика места памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж, Ж. Винок. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.
14. Орешкина А. С. Значение памятников Великой Отечественной войны в формировании идеино-политического и нравственного облика советского человека // Памятники Великой Отечественной войны в патриотическом воспитании тружеников: Сб. науч. трудов. М.: НМС МК СССР, 1985. С. 58–69.
15. Попов А. Д. Легендарный Севастополь как туристско-экскурсионный объект: история и современность // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 3. С. 52–60.
16. Серман Б. Е. Письма пришли потом. Симферополь: Таврия, 1985. 144 с.
17. Сибиряков И. В. Образ Севастополя для советских туристов: советские справочники-путеводители об особенностях туристических маршрутов в Севастополе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 58–63.
18. Чиж С. А. Потомству в пример // Равнение на подвиг: Сборник. Симферополь: Таврия, 1988. С. 45–57.
19. Швидковский О. Памятники борьбы и победы // Советская скульптура – 1975. М.: Сов. художник, 1977. С. 12–42.
20. Яковлева Т. И., Шебек Н. В., Войтенко С. М. Сапун-гора: Путеводитель по заповеднику. Симферополь: Крымиздат, 1963. 88 с.
21. Слокіна І. Пам'ять про Другу світову війну та нацистську окупацію України в повсякденних практиках радянського суспільства (1953–1985) // Вісник Харківського університету. Серія: Історія. Вип. 44. (Спецвипуск: «Історія повсякдення»). Харків, 2011. С. 199–219.
22. Antoshchenko A. V., Volkova V. V., Shytikova I. S. War Memorials in Karelia: A Place of Sorrow or Glory? *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko (Eds.). London, Palgrave Macmillan, 2017. P. 465–493.
23. Arnould S. Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat. Bochum, Projekt Verlag, 1998. 428 s.
24. Davies V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. London, I. B. Tauris, 2018. 351 p.
25. Ignatieff M. Soviet War Memorials. *History Workshop*. 1984. No 17. P. 157–163.
26. Palmer S. W. How Memory was Made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad. *Russian Review*. 2009. Vol. 68. No 3. P. 373–407.
27. Qualls K. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. Ithaca, London: Cornell University Press, 2009. 188 p.
28. Tumarkin N. The Living & The Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York, Basic Books, 1994. 242 p.

Popov A. D., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)
Romanko O. V., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

MONUMENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR DURING THE LATE SOVIET PERIOD: VARIETY OF SOCIAL FUNCTIONS AND PRACTICES*

The article characterizes the main social functions of memorial objects (“places of memory”) connected with the events of the Great Patriotic War during the late Soviet period by the example of the Hero Cities of Southern Russia (Volgograd, Sevastopol, Kerch, and Novorossiysk). On the basis of the archival and published sources the authors established the multifunctionality of military memorials which performed not only commemorative, but also political and ideological, mobilizing, informational, educational, recreational, and esthetic functions. The logic of the memorial objects usage is revealed through the set of social practices related with them. In the conditions of formation of the secular cult of the Great Patriotic War observed since the middle of the 1960s in the USSR, many of these practices gained a ritualized character. The main object of these rituals, besides maintaining social order and public consensus of memory, was to update the events of the past, strengthen collectivism, and ensure the continuity of generations in the Soviet society. The creative decisions used for the design and construction of memorial objects during the late Soviet period considered the variety of functional tasks which they had to carry out.

Key words: the Great Patriotic War, historical memory, “place of memory”, monumental propaganda, memorial practices, ritual, Hero City, the USSR

* The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research grant as part of the project No 18-09-00576 “The memory of the Great Patriotic War in the Hero Cities of Southern Russia (Volgograd – Sevastopol – Kerch – Novorossiysk), 1945–1991”.

REFERENCES

1. Adon'eva S. B. Category of artificial time: anthropological essays. St. Petersburg, 2001. 167 p. (In Russ.)
2. Antoshchenko A. V. Change of the space configuration of "places of memory" of the Great Patriotic War (by the example of Petrozavodsk). *History and culture of the winner country: the 65th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: Proceedings of the International Scientific Conference*. Samara, 2010. P. 191–201. (In Russ.)
3. Artamonov V. A. City and monument. Moscow, 1974. 224 p. (In Russ.)
4. Bagley A. I. "Oh, my thoughts, woe is me!": memoirs and reflections of an old architect. [Sevastopol], [2008]. 584 p. (In Russ.)
5. Boltunova E. "The trouble has come from where it was not expected": how the war absorbed the revolution. *Neprikosnovenny zapas*. 2017. No 6. P. 109–128. (In Russ.)
6. Vrublevskaya V. B. Joint activities of the state and public organizations for protection and use of monuments of the Great Patriotic War in patriotic education of workers. *Pamyatniki Velikoy Otechestvennoy voyny v patrioticheskem vospitanii trudyashchikhsya: Sb. nauch. trudov*. Moscow, 1985. P. 37–47. (In Russ.)
7. Vul'f K. Production of the social: ritual, emotions, memories. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2010. No 3. P. 23–50. (In Russ.)
8. Gabovich M. Soviet military monuments: biographical notes. Available at: <http://docplayer.ru/26525817-Sovetskie-voennye-pamyatniki-biograficheskie-zametki-mihail-gabovich-eynshteynovskiy-forum-potsdam-germaniya.html> (accessed 15.05.2018). (In Russ.)
9. Voices of hearts: Collection of testimonials. (V. B. Rostovshikov, I. M. Kandaurov, Comp.). Volgograd, 1985. 144 p. (In Russ.)
10. Kaspe I. Place of death: the value of the Leningrad Blockade for the late Soviet culture. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2018. No 1. P. 59–105. (In Russ.)
11. Konradowa N., Ryleva A. Heroes and victims. The Great Patriotic War memorials. *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa*. Moscow, 2005. P. 241–261. (In Russ.)
12. Makarov A. I. Monument phenomenon in a modern cultural situation: commemoration dysfunction. *Pamyat' i pamyatniki*. Volgograd, 2011. P. 19–29. (In Russ.)
13. Nora P. Between memory and history. Places of memory. *Frantsiya-pamyat'*. (P. Nora, M. Ozouf, G. Puymege, M. Winock). St. Petersburg, 1999. P. 17–50. (In Russ.)
14. Oreshkina A. S. The value of the Great Patriotic War monuments in the formation of ideological, political and moral image of the Soviet person. *Pamyatniki Velikoy Otechestvennoy voyny v patrioticheskem vospitanii trudyashchikhsya: Sb. nauch. trudov*. Moscow, 1985. P. 58–69. (In Russ.)
15. Popov A. D. Legendary Sevastopol as a tourist and excursion site: history and modern age. *Sovremennye problemy servisa i turizma*. 2014. No 3. P. 52–60. (In Russ.)
16. Sherman B. E. Letters came later. Simferopol, 1985. 144 p. (In Russ.)
17. Sibiryakov I. V. Image of Sevastopol for the Soviet tourists: Soviet travel guides on the features of tourist routes in Sevastopol. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2016. No 4. P. 58–63. (In Russ.)
18. Chizh S. A. An example for the next generations. *Raynenie na podvig: Sbornik*. Simferopol, 1988. P. 45–57. (In Russ.)
19. Shvidkovskiy O. Monuments of fight and victory. *Sovetskaya skul'ptura – 1975*. Moscow, 1977. P. 12–42. (In Russ.)
20. Yakovleva T. I., Shebek N. V., Voitenko S. M. Mount Sapun: Guide to the park. Simferopol, 1963. 88 p. (In Russ.)
21. Слокіна І. Пам'ять про Другу світову війну та нацистську окупацію України в повсякденних практиках радянського суспільства (1953–1985). *Вісник Харківського університету. Серія: Історія*. Вип. 44. (Спецвипуск: «Історія повсякдення»). Харків, 2011. С. 199–219.
22. Antoshchenko A. V., Volokhova V. V., Shtykova I. S. War Memorials in Karelia: A Place of Sorrow or Glory? *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. (J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko, Eds.). London, Palgrave Macmillan, 2017. P. 465–493.
23. Arnold S. Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat. Bochum, Projekt Verlag, 1998. 428 s.
24. Davis V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. London, I. B. Tauris, 2018. 351 p.
25. Ignatieff M. Soviet War Memorials. *History Workshop*. 1984. No 17. P. 157–163.
26. Palmer S. W. How Memory was Made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad. *Russian Review*. 2009. Vol. 68. No 3. P. 373–407.
27. Qualls K. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. Ithaca, London: Cornell University Press, 2009. 188 p.
28. Tumarkin N. The Living & The Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York, Basic Books, 1994. 242 p.

Поступила в редакцию 29.10.2018